

# Пегасик Найка в стране стрекоз

**Константин КЕДРОВ,**  
**«Новые Известия»**

«Я маленькая лошадка, / Но мне живется несладко», — это бесхитрое лирическое признание Найка Борзова почему-то сразу проникло в душу и взяло большую аудиторию. Клип «Лошадка», ставший почти хитом, поражает своей внешней простотой и непретенциозностью. Но в мире попсы он отнюдь не является попсой. Все дело в том, что видеоряд художника Андрея Врэдия оказался в новом клипе сказочно красив. Никто не знает, что такое красота и почему она должна спасти мир, но устоять перед ней не может никто.

Найк Борзов умудрился уже своими текстами вызвать гнев Госдумы, которая всерьез обсуждала, как запретить его клипы из-за промелькнувшего где-то слова «кокаин». Борьба со словом — это наше вечное истинное призвание. Но Думе не откажешь в эстетической чуткости. Для запрета власть российская всегда выбирает самое яркое и талантливое.

«Прошлое — это схема. / Странная цепь событий. / Важная чрезвычайно для будущего откры-

тия». Это очень точные строки. Они передают ток времени. «Верхом на звезде, / Вцепишься в лучи, / С луной на поводке в ночищи». Именно так, с тремя «иии» в конце. Казалось бы так просто, но это его открытие записать текст так, чтобы слышно было легкое завывание в финале строки. «О жизнь, ты прекрасна вполне. / Бываешь немного опасна оу-ее...». В текстах Найка я почувствовал невыдуманную свободу, которой так не хватает нашей официальной толстожурнальной лирике. «Верхом на звезде / Несусь навстречу ветрам, / И создал этот мир — я саам». О, да! Запретить, запретить все это немедленно, пока не поздно. А может, уже и поздно. Тогда запретителям и запретительницам или запретилкам остается только один выход. «Разработав верный план, / Застрелился желтый таракан / В банке изпод майонеза».

Я не говорю, что у Найка нет банальностей и неизбежных клиповых провисаний. Ему еще расти и расти, чтобы перерастить наконец поповую славу и стать настоящим поэтом, потеряв две трети аудитории. «Привет!.. Вот и я, /

Юный арифметик под гнетом сфер / Начертит карту / и найдет меня». Жанна Агузарова, Земфира, Найк — эта святая троица русского построка сулит нашей поэзии если не оживление, то большое омоложение. «Зачем я люблю тебя так, / Как мертвая птица полет в облаках, / Как червь земляной звезду в небесах». У Найка всегда есть маленький сдвиг по фазе, избавляющий от банальности. Вот, например, «Лошадка», он ведь на самом деле пишется «Ловадка». И это латинское «w» в середине преобразует все. А как обаятельно звучит «ловадка». Ловадка стала Пегасом поэзии начала нового века. «Ты достаешь из сумки чье-то крыло, / И передо мною открывается дверь. / Я прохожу в нее, и улетаю домой. / Но я вернусь за тобой».

В Борзове нет ни грамма самодовольства, которым пропитана литературная братия. Наши поэты, даже когда пишут про огурец и бутылку водки, все равно ощущают себя пророками. Агузарова, Земфира, Найк вернулись в своих текстах к пушкинской раскованной болтовне. Они пробалтываются, но ни в коем случае не вещают. Мне



Всадник с головой.

лично совершенно не важен источник их радости. От молодости это или от ощущения ежедневно преодоленной смерти. Но я вижу, что Ловадка-пегасик Найка вот-вот куда-то нас вывезет. «Мне обидно и капают слезы. / Когда мне под ноги кидают розы. / Когда люди на улицах и в окнах квартир / Меня встречают и устраивают пир на весь мир». Неправда ли, похоже на въезд в Иерусалим «на ослиати».

Мы восхищаемся серебряным веком русской поэзии, забывая, откуда сие «серебро господа моего». «Кокаина серебряной пылью» занесено то светлое прошлое. Кстати, не запретить ли Вертинского? Впрочем, его уже запрещали. Поэзия по природе своей беззаконна. Хотя один закон все-таки существует. Он открыт Рабле в «Гаргантюа и Пантагрюэле». Там в уставе Телемского аббатства есть такие слова: «Каждый делает то, что хочет».

Найк не случайно стал первым представителем электронно-клиповой музыки в поэтическом обществе «ДООС» (Добровольное Общество Охраны Стрекоз). Ведь девиз общества: «Ты всё пела! Это дело».